

сти элементов, наиболее важных для характеристики систем вселенной (пространство, время, космос, социальная организация, жилище и т. д.).

К. Д. Лаушкин (Ленинград) в докладе «Первобытные представления о сверхъестественном в Карело-финском эпосе» говорил о двух тенденциях в «Калевале», которые диалектически переплетаются и вступают в «единоборство»: с одной стороны, это первобытные представления о сверхъестественном, с другой — рационалистический и первобытно-материалистический взгляд на окружающий мир. Докладчик подчеркнул важную роль народного поэтического творчества как одного из способов познания мира, помогающего, в частности, привести накопленные сведения в организованную систему.

Закрывая конференцию К. В. Чистов подчеркнул важность и плодотворность подобного научного обмена. Хочется надеяться, что эта хорошая традиция будет продолжена.

Г. Г. Шаповалова

ДВА СИМПОЗИУМА ПО ПРОБЛЕМАМ РАННИХ ЭТАПОВ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Коллективом сотрудников Института этнографии и Института Дальнего Востока АН СССР готовится капитальная монография «Этническая история китайцев и проблемы формирования китайской нации». При подготовке этого труда обнаружилась недостаточная разработанность ряда проблем, особенно касающихся наиболее ранних этапов этнической истории. Было решено провести несколько симпозиумов, каждый из которых должен быть посвящен определенному этапу в развитии восточноазиатских этносов, и пригласить для участия в них специалистов различных профилей — антропологов, археологов, этнографов, лингвистов, историков из различных учреждений страны. 31 мая — 1 июня 1973 г. в Москве состоялся первый симпозиум, посвященный вопросам древнейшего заселения Восточной Азии. О важности и политической актуальности подготавливаемой работы говорили на открытии симпозиума директор Института Дальнего Востока М. И. Сладковский и заместитель директора Института этнографии С. И. Брук.

В докладе М. И. Урысона «Проблема прародины древнейшего человека в свете палеоантропологических и археологических данных» были сообщены результаты изучения древнейшей палеолитической культуры Олдувай (Танзания) и связанных с нею палеоантропологических находок. В течение ряда десятилетий наука находилась под гипнозом двух выдающихся открытий в Азии — питекантропов на Яве и синантропов в Китае. Многие исследователи были убеждены в том, что эти гоминиды были древнейшими на Земле. Однако находки в Танзании свидетельствуют о том, что питекантропы и синантропы были в действительности очень далекими потомками тех поистине древнейших людей, которые почти за 2,5 млн. лет до существования яванских и китайских гоминид создали в Африке самую раннюю культуру в истории человечества — олдувайскую культуру. Таким образом, гипотеза Дарвина о том, что «черный континент» был колыбелью человечества, спустя более чем сто лет получила свое научное подтверждение.

Доклад на тему «Первичные очаги расообразования» был прочитан В. П. Алексеевым. Используя археологические данные о территориальном подразделении нижнепалеолитической эйкумены, он рассматривает палеоантропологические материалы как аргумент в пользу дискретного расообразования. Докладчик выделяет два первичных очага расообразования: западный и восточный. Восточная Азия была заселена в нижнем палеолите, но, по мнению В. П. Алексеева, не входила в область прародины чело-

вещства. Ее заселение произошло на каком-то отрезке ранней четвертичной истории из областей Центральной, Восточной и Южной Африки, которые составляли зону выделения человека из животного мира.

С докладом «Одонтологические данные по вопросу о двух первичных очагов расообразования» выступил А. А. Зубов. Имеющиеся в настоящее время одонтологические материалы показывают, что современному делению человечества на три больших расовых ствола, по-видимому, предшествовало деление на два первичных ствола — западный и восточный. Позже, вследствие широкого расселения человечества и освоения им новых территорий, имела место дивергенция исходных типов на южные и северные формы в пределах каждого первичного ствола. При этом в тропических областях на западе и на востоке оба первичных ствола могли дать в силу адаптации к сходным условиям внешне сходные по основным адаптивным признакам (цвет кожи, ширина носа, форма волос) расовые особенности, которые принято относить к негроидному или экваториальному комплексу. Таким образом, западная (африканская) и восточная части экваториальной расы, по-видимому, возникли независимо друг от друга. Нейтральный, неадаптивный характер многих особенностей зубной системы при этом не менялся и сохранил черты исходных расовых общностей. Так, по ряду важнейших одонтологических признаков европеоиды близки к негроидам Африки, а монголоиды обнаруживают много общих одонтологических черт с австралийцами и меланезийцами. Новые материалы, подтверждающие подобную точку зрения, получены нами во время работы в Индии. Мундоязычные и дравидоязычные племена Восточной Индии, которые в своем расовом типе имеют выраженный веддоидный комплекс, оказались по одонтологическому типу весьма близкими к представителям восточного первичного ствола, в частности к монголоидам. Таким образом, веддоидные особенности, многие из которых внешне совпадают с чертами негроидного комплекса, возникли, вероятно, на основе восточного расового ствола, независимо от западного (африканского) центра негроидных особенностей. Одонтологические материалы дают, по мнению А. А. Зубова, новые ценные аргументы в пользу идеи двух центров расообразования, высказанной в разное время и в разных вариантах несколькими исследователями (Ф. Вейденрейх, Я. Я. Рогинский, Г. Ф. Дебец, А. Тома). Эти данные, как полагает А. А. Зубов, позволяют более детально и точно определить состав первичных расовых стволов и проследить миграции масс населения, ведущего свое происхождение от того или иного ствола.

Доклад Г. П. Григорьева был посвящен проблемам заселения Азии. Новейшие представления о расселении человека по территории Азии основаны на недавно выделенных вариантах палеолитической культуры. Как и в Европе, ашельские памятники на территории Азии могут быть сгруппированы в зависимости от присутствия рубил или же рубил в сочетании с колунами и чопперами. Ашельские памятники Ближнего Востока и Индии, а именно те, которые характеризуются рубилами, имеют сходство с африканскими памятниками ашельского времени и отличны от этого же типа памятников Северной Европы и Кавказа. Далее к Востоку от Индии таких памятников нет. Их можно непосредственно связать с расселением ашельского населения из Африки, начавшимся около миллиона лет назад. Памятники с колунами и чопперами, сочетающимися с рубилами, до сих пор в Юго-Восточной Азии неизвестны. Однако там есть другие, до некоторой степени сходные по формам с каменными орудиями Африки олдувайского периода. В ашельскую эпоху культура азиатского материка была неоднородной. В культуре его западных областей можно обнаружить сходство с африканским ашелем и даже прямое происхождение от него. Китайские памятники ашельского времени (Чжоукоудянь) нельзя с уверенностью связывать с африканским прошлым человечества, как нельзя и называть их совершенно оригинальными.

Примерно в начале последнего оледенения или в конце последнего межледникового периода в Европе наблюдаются существенные перемены в составе каменных орудий, означающие начало эпохи каменного века — мустьерской. Однако свойственные ей особенности сохранились только на части азиатского материка — Ближнем Востоке. В Юго-Восточной Азии и в Африке изменения каменного инвентаря не позволяют говорить о начале какой-то новой эпохи. В Азии и Африке продолжается развитие ашеля или эволюционируют памятники такого рода, как Чжоукоудянь (не получившие специального обозначения в отечественной литературе ввиду их спорности).

Таким образом, при всей сложности культуры каменного века Юго-Восточной Азии можно считать, что своеобразие ее складывается достаточно рано, возможно, в ашель, т. е. во время первоначального заселения Азии, и бесспорно для времени пост-мустье.

Был заслушан также доклад Н. Н. Чебоксарова об антропологическом составе древнейшего населения Восточной Азии в эпоху позднего палеолита, мезолита и неолита. Докладчик отметил, что на современном уровне наших знаний гипотеза об африканской прародине представляется все более и более вероятной. Сейчас можно было бы принять точку зрения, согласно которой гоминиды заселили Восточную Азию очень поздно, около 500 тыс. лет назад. Затем наблюдалось непрерывное развитие, которое, вероятно, сопровождалось неоднократным проникновением древних людей с более западных смежных территорий. В восточном очаге расообразования — возможно, не только в междуречье Хуанхэ — Янцзы, но и в более южных районах — формировались предки монголоидов и восточных популяций экваториальной большой расы (австралоидов), а в западном очаге — европеоиды и негроиды.

В докладе «Проблема генезиса древнекитайского очага земледельческого неолита» Л. С. Васильев анализировал данные археологии о культуре эпохи неолита, развившейся в бассейне р. Хуанхэ и междуречье Хуанхэ — Янцзы, рассматривая их в контексте с современными представлениями о центрах «неолитической революции» и о взаимовлиянии культур как одного из решающих стимулов их эволюции. Неолит бассейна Хуанхэ появляется на несколько тысячелетий позже «неолитической революции» в ближневосточной зоне. Он выступает в достаточно развитом виде, обладая всеми основными признаками, свойственными евразийским культурам расписной керамики (возделывание злаков, домашнее скотоводство, развитый погребальный обряд, специфическая техника изготовления и росписи керамики). Наряду с этим археологические исследования последних десятилетий свидетельствуют о существовании в бассейне Хуанхэ нескольких локальных культур или вариантов: Мацзяю (Ганьсу), Мяодигоу (Хэнань), Бяньпо (Шэньси). Типологический анализ приводит автора к выводу, что Мацзяю хронологически и генетически предшествует крашеной керамике в среднем течении Хуанхэ. Вопрос о формировании неолитического населения Великой Китайской равнины, по мнению Л. С. Васильева, не может решаться без учета возможных контактов земледельцев развитого неолита, мигрировавших в поисках новых земель, с монголоидными охотниками и собирателями. В связи со своей концепцией Л. С. Васильев ставит под сомнение достоверность радиоуглеродных датировок, свидетельствующих о том, что культура Бяньпо предшествует Мацзяю более чем на полторы тысячи лет.

В докладе М. В. Крюкова «Неолитическое население бассейна Хуанхэ в IV—III тысячелетиях до н. э.» была предпринята попытка обобщить значительный археологический материал, свидетельствующий о том, что в IV—III тысячелетиях до н. э. в бассейне Хуанхэ и ее притоков существовало несколько культур неолитического типа, материальные остатки которых, наряду с палеоантропологическими данными, позволяют судить о ранних этапах этногенеза китайцев. Интерпретация этих данных вызывает столкновение различных, порой взаимоисключающих, точек зрения. Наиболее спорной была проблема соотношения отдельных локальных типов культуры Яншао (Бяньпо и Мяодигоу) и соседней с ними культуры крашеной керамики Мацзяю. До недавнего времени эта проблема решалась либо на основании типологического сопоставления наиболее характерных элементов керамики, либо по данным относительной хронологии. В частности были установлены случаи, когда в яншаоских стоянках слой Бяньпо перекрывается слоем Мяодигоу. Результаты определения абсолютного возраста культурных остатков неолитического времени, опубликованные в 1972 г., свидетельствуют о том, что слой Бяньпо, появляющийся в бассейне р. Вэйхэ не позднее конца V в. до н. э., — древнейший из всех известных в настоящее время локальных вариантов, представляющих культуру крашеной керамики в Северном Китае. В IV тысячелетии на смену ему приходит культура Мяодигоу, а восточнее (пров. Цзянсу) получает развитие культура Цинляньган. Лишь в III тысячелетии до н. э. на территориях, прилегающих к ареалу распространения Яншао с запада, появляется культура Мацзяю — последняя в серии культур крашеной керамики севера Китая. Результаты абсолютной датировки культур китайского неолита по C^{14} полностью вписываются в имеющиеся сейчас данные относительной хронологии их локальных вариантов. Без учета этих результатов любая схе-

ма формирования неолитического населения на территории бассейна Хуанхэ сомнительна.

В докладе А. Б. Долгопольского рассматривались связи обширной ностратической языковой общности, в состав которой входит ряд семей Старого Света, с тибето-бирманской семей языков (в реконструкции П. Бенедикта). По мнению автора, говорить о родстве этих семей нельзя, хотя контакты между ними, бесспорно, имели место, о чем свидетельствует некоторое число ностратических заимствований в тибето-бирманских языках, относящихся, впрочем, к периферийным областям лексики. Поскольку сравнение тибето-бирманских праформ с китайскими у П. Бенедикта отсутствует, докладчик не рассматривал китайские материалы и не касался вопроса о хронологической глубине контактов с ностратическими языками.

В докладе С. Е. Яхонтова «Языки Восточной и Юго-Восточной Азии в IV—I тысячелетиях до н. э.» на основе метода глоттохронологии была нарисована картина формирования и распределения лингвистических семей и входящих в них групп. По мнению докладчика, сино-тибетские языки уже были распространены около 5 тыс. лет назад от Непала и Ассама на юге до верхнего течения Хуанхэ на севере. В Индокитае распространялись аустроазиатские языки, а в Китае к югу от Янцзы — языки, позднее давшие начало группе мяо-яо (предположительно родственные аустроазиатским). Аустронезийские языки были характерны для островов от Меланезии до Тайваня и, вероятно, части побережья Китая. Уже существовала тайская группа языков (возможно, незадолго до этого времени отделившаяся от аустронезийской).

В конце IV и в III тысячелетии до н. э. народы, говорящие на сино-тибетских языках, появляются в Бирме; сначала это карены, потом группа нага-чин. В III—II тысячелетиях до н. э. складываются важнейшие группы тибето-бирманских (тибетская, ицзу) и мон-кхмерских (монская, кхмерская, вьет-мыонгская) языков. Вьет-мыонгская группа, вероятно, имеет тайский субстрат.

Примерно за тысячу лет до нашей эры происходят первые крупные передвижения тайских народов. Ли заселяют Хайнань; дун-шуйская группа продвигается на север, в Гуйчжоу. Центром формирования группы мяо был юг современной провинции Гуйчжоу. Несколько позже в Индокитае появляются аустронезийские народы — предки чамов и малайцев.

Уже после начала новой эры произошло отделение бирманцев от ицзу и переселение их в Бирму, а также распространение тайских языков в Лаосе, Тайланде, Бирме и Ассаме.

* * *

5—6 февраля 1974 г. состоялся второй симпозиум, который был посвящен теме «Этнолическая история древнего Китая во II—I тысячелетиях до н. э.».

С докладом «Население бассейна Хуанхэ во II—I тыс. до н. э.» выступил М. В. Крюков. Он отметил, что анализ материалов археологических раскопок на территории Северного Китая в 1950—1960 годы и появление первых серий радиоуглеродных датировок памятников этого района позволяют составить достаточно конкретное представление об основных группах населения в бассейне р. Хуанхэ в период, предшествующий формированию иньской этнополитической общности. В III тысячелетии до н. э. неолитическая культура Яншао, возникшая в нижнем течении р. Вэйхэ, распространяется в юго-восточном направлении, приходя в соприкосновение с культурой Цюйцзялин (бассейн р. Ханьшуй). Зона контактов этих двух культур, резко различающихся по особенностям ведения хозяйства и, надо полагать, по этнической принадлежности их создателей, явилась тем ареалом, где в середине II тысячелетия до н. э. складывается раннеиньская общность. По мере расширения сферы своей гегемонии иньцы сталкиваются с другими группами населения, сложившимися севернее и восточнее среднего течения р. Хуанхэ: с кочевыми племенами — создателями культуры ордосской бронзы и с «восточными варварами», обитавшими на полуострове Шаньдун и на смежных территориях к югу от него.

В своем докладе «Возникновение и генетические связи иньской цивилизации» Л. С. Васильев основное внимание уделил культурным достижениям, принесенным в бассейн Хуанхэ с запада. Докладчик полагает, что иньская цивилизация в Китае сло-

жилась на местной неолитической основе в результате заимствования с запада ряда важнейших культурных достижений (прежде всего — техники бронзолитейного производства). Что касается механизма этого заимствования, то Л. С. Васильев допускает здесь две альтернативные возможности: или «миграция идей», или проникновение на среднекитайскую равнину групп населения из евроазиатского степного коридора.

В докладе «Современные представления о происхождении китайского языка» М. В. Софронов поставил проблему типологической характеристики языка иньских надписей. При современных знаниях об этом языке наиболее полные сведения можно получить прежде всего о порядке значимых элементов. Этот порядок представляет собой структуру, части которой находятся в отношениях строгой зависимости. При этом структура в целом, а не какой-либо из ее членов, может быть положена в основу типологической характеристики языка. На территории Восточной Азии существуют языки двух типов: северный с последовательностью объект — глагол и южный с последовательностью глагол — объект и другими структурно связанными с ним чертами. На основании анализа языка иньских надписей могут быть сделаны этнолингвистические выводы при следующих двух допущениях: 1) структура порядка значимых элементов стабильна во времени, и ее изменения происходят лишь в результате активных контактов с языками других типологических классов, 2) современное географическое распределение языков северного и южного типов в Восточной Азии существовало уже во время создания иньских надписей. В языке иньских надписей основным порядком значимых элементов является порядок глагол — объект и структурно связанные с ним черты, что относит этот язык к южному типу. Однако наличие альтернативного порядка в отдельных надписях свидетельствует о наличии лингвистических контактов с языками северного типа.

В докладе А. М. Карапетьянца «О происхождении китайской письменности» рассматривалась проблема ее генетических связей. С этой целью автором было проведено сопоставление китайской письменности с шумерской и египетской, которое показало, что египетская письменность возникла, скорее всего, под влиянием шумерской, а китайское письмо, с типологической точки зрения, в некоторой степени приближается к шумерскому. Однако близость эта объясняется стадияльно, а не генетически. Влияние шумерского письма на процесс возникновения китайского исключается автором ввиду недоказанности существования контактов между этими народами, а предполагаемое промежуточное звено — протониндийское письмо — типологически резко отличается от китайского. В Китае, в отличие от Египта, не наблюдается внезапного перехода от пиктографии к идеографии и имеются вместе с тем все виды дописьменной и раннеписьменной передачи информации (узелковое письмо, зарубки, рисунчатое письмо, различные иллюстрированные схемы).

В докладе В. В. Иванова «О древнейших контактах китайского языка с индоевропейскими» рассматривались языковые данные, свидетельствующие о наличии таких контактов. Наиболее достоверны материалы, свидетельствующие о китайско-тохарских контактах. Имя правителя Юэ-чжи анализируется в связи с историей соответствующего тохарского слова со значением «бог», греческого «царь». Заимствование общетохарского названия слова «мед» (*miet) древнекитайским языком можно связать с историей пчеловодства в Центральной и Восточной Азии. Предположение Паллиблэнка о влиянии индоевропейских представлений о конях и колесницах на китайские согласуется с такими фактами, как использование в Китае иероглифа, обозначающего колокольчик на упряжи. Современные данные об одомашнивании лошади в Западной Евразии говорят о заимствовании из языков этого ареала термина, который представлен в алтайских языках в виде монгольского слова *mrin*, а в китайском в форме *ма* (японское *ума*) при наличии подобного же термина в западных индоевропейских языках (кельтском и германском). Бирманское *tra* указывает на древний характер этого заимствования в тибето-китайском. К скотоводческой терминологии, заимствованной из индоевропейского китайским языком, примыкают слова «собака» и «молоко».

Доклад И. И. Пейроса и С. А. Старостина «О генетическом сравнении китайского и тибетского языков» был посвящен рассмотрению степени генетического родства китайского языка с языками тибето-бирманской группы. Авторы не согласны с мнением некоторых исследователей, в частности П. Бенедикта, что китайский язык наиболее обособлен в пределах китайско-тибетской семьи. Одной из основных причин

такой оценки является, по мнению докладчиков, неудовлетворительность прежних реконструкций древнекитайского языка. Реконструкция С. А. Старостина позволила по-новому осветить генетические связи китайского языка.

В докладе показано, что древнекитайский язык близок к классическому тибетскому, приведено значительное число звуковых соответствий между этими языками и тем самым доказано родство между ними. Кроме того, докладчик рассмотрел вопрос о происхождении двухтоновой системы древнекитайского языка. Приведено также значительное число новых китайско-тибетских словарных сопоставлений.

В докладе П. М. Кожина был поставлен вопрос о происхождении иньских колесниц. По мнению докладчика, колесница не могла быть заимствована иньским Китаем из ближневосточно-восточносредиземноморских районов. Проникновение колесницы в Китай проходило через Центральную Азию, где местные народы видоизменили ее. В Китае колесница была освоена уже в условиях развитого бронзолитейного производства, в период формирования ранней государственности. Будучи первоначально явлением, чуждым иньской культуре, колесница претерпела ряд технических инноваций. Расцвет локального типа древнекитайских колесниц наступил лишь в чжоуское время.

С докладом «К вопросу о происхождении монгольско-маньчжурско-корейского очага древнего земледелия» выступил В. С. Стариков. Докладчик считает, что этот очаг земледелия возник независимо от севернокитайского и отличался рядом специфических особенностей (например, применение плуга и лошади в качестве тяглового животного).

Я. В. Чеснов в докладе «Земледельческие культуры как источник по этногенезу народов Восточной Азии», опираясь на работы Н. И. Вавилова, старался раскрыть понятие земледельческой культуры с тем, чтобы затем сопоставить его с понятием хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей. Земледельческие культуры оказываются ценным историческим источником, в том числе и по проблемам этногенеза. Рассматривая историю земледелия в бассейне Хуанхэ, Я. В. Чеснов показывает, что на раннем этапе здесь главенствующую роль играли связи с приморскими районами Восточной и Юго-Восточной Азии, откуда были получены просяные растения. Эти связи позднее привели к распространению риса. Данные, характеризующие Юго-Восточную Азию как центр своеобразной развитой земледельческой культуры, получены также из других районов — Южной и даже Передней Азии. Рис вместе с целым комплексом хозяйственных черт (например, разведением буйволов) достиг Ассирии по крайней мере в IX в. до н. э. Объективная картина, которую вскрывает история земледельческих культур, полагает докладчик, дает основание для этногенетических интерпретаций, например, южномонголоидных элементов в физическом типе древних китайцев.

Д. В. Деопик в докладе «Соотношение центральной и южной части Восточной Азии во II и I тыс. до н. э.», высказал мнение о том, что очаг раннего классового общества, возникший в середине II тысячелетия до н. э. в бассейне Хуанхэ, не оказал влияния на более южные территории. Такое влияние, правда, очень поверхностное, начинается распространяться на юг лишь с VIII—VII вв. до н. э. Ситуация в этом регионе существенно отличалась, к примеру, от северо-причерноморской, где археологически прослежено влияние эллинской культуры на все слои общества, в том числе и на его основную часть — трудовое население.

В докладе Р. Ф. Итса «Южная периферия иньской цивилизации» был поставлен вопрос о том, что «неожиданно» резкий подъем бронзовой культуры в долине р. Хуанхэ, возможно, станет объяснимым, если учесть вероятные генетические связи ее с южными районами. Доказательством таких связей, по мнению докладчика, является теория С. Е. Яхонтова о том, что формирование языков китайско-тибетской семьи происходило в Красном бассейне (провинция Сычуань), откуда в дальнейшем они проникли в долину р. Хуанхэ. В пользу этого предположения говорит и наличие высокоразвитой неолитической культуры Даси, чьей преемницей стала культура Ба, а затем бронзовая культура Шичжайшаня, созданная предками тибето-бирманских народов, в частности ицзу.

Доклад А. М. Решетова был посвящен основным проблемам этнической истории древнего Китая эпох Инь и Чжоу. По мнению докладчика, во II—I тысячелетия до н. э. существовала древнекитайская этнолингвистическая общность. Формированию на ее основе единого древнекитайского этноса, равно как и нескольких этносов, не способствовала общая ситуация. Прежде всего мешало отсутствие единого централизован-

ного государства как проявления общности территории, этого важного условия вычленения этноса из этнолингвистических первобытных общностей, в которых этнической структурной единицей было племя или группа племен. Поэтому формированию единого этноса противостояла другая, весьма сильная тенденция к партикуляризму, уходящая своими корнями в старое племенное деление, в специфику раннеклассового общества в Китае с его сильными общинно-территориальными связями. При анализе этнического развития Китая эпохи Инь и Чжоу не следует переоценивать уровень социально-экономического развития Китая. По существу, Китай этого периода переживал этап перехода от первичной, доклассовой формации ко вторичной, классовой. Факторы, влияющие на этническое развитие, надо рассматривать как явление историческое, могущее обеспечить то или иное направление этнических процессов. Для центральнокитайских царств можно скорее говорить о зарождении и формировании политического и экономического, а не культурного единства. К сожалению, до сих пор ученые еще мало занимались проблемой развития общности культуры и экономики в древнем Китае. Языковое единство рассматривается обычно как само собой разумеющееся явление. Переоценивается степень централизации власти иньского и чжоуского вавов. На самом деле их власть проявлялась преимущественно в ритуальной сфере. Иньская и чжоуская коалиции не были стойкими этнополитическими образованиями. Новейшие исследования говорят в пользу значительных этнокультурных связей этих коалиций с соседями, особенно южными и западными. В Инь и Чжоу были сильны процессы ассимиляции. Пожалуй, можно говорить, что только к концу III в. до н. э. впервые возобладали тенденции к формированию более или менее прочной китайской этнической общности.

* * *

Прошедшие рабочие симпозиумы привлекли внимание широкого круга ученых, работающих в научных центрах Москвы и Ленинграда, которые принимали активное участие в обсуждении докладов, высказывали в своих выступлениях новые положения, дополняя или даже пересматривая точки зрения основных докладчиков. С докладами и в прениях выступали этнографы, антропологи, археологи, лингвисты, историки. Особенно активно в дискуссии по докладом участвовали Г. Г. Стратанович, А. А. Воронов, Ю. Х. Сирк, Э. А. Новгородова и др.

Несомненно, что творческий характер симпозиумов во многом способствовал разработке ряда сложных вопросов, связанных с этнической историей народов Восточной Азии.

Основная ценность этих симпозиумов состоит в том, что они позволили специалистам ряда смежных наук — этнографии, археологии, антропологии, лингвистики — встретиться и обменяться мнениями, информацией о новейших данных, результатами собственных недавних исследований. Благодаря этим встречам ученых уровень наших знаний об этнической истории Восточной Азии в древности существенно повысился. Симпозиумы наметили наиболее перспективные пути решения ряда дискуссионных вопросов, а главное, позволили правильно оценить соотношение автохтонных элементов и черт, связанных с внешними влияниями в формировании физического облика древнего населения Восточной Азии, в его языковом и культурном развитии.

Хочется высказать пожелание, чтобы материалы прошедших симпозиумов были напечатаны.

В. И. Гохман, А. М. Решетов

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

С 27 июня по 5 августа 1974 г. уйгуро-дунганский отряд Среднеазиатской этнографической экспедиции Института этно-

графии АН СССР провел свой пятый полевой сезон в республиках Средней Азии. Отряд работал в следующем со-